

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕБРАНКА

Этот стиль живой перебранки Грозный вводил даже в дипломатическую переписку, например, в послание английской королеве Елизавете I. Царь отправил его 24 октября 1570 года в момент обострения русско-английских отношений. Англия получила в свое время значительные

привилегии в русской внешней торговле, давшие ей почти монопольное положение. В обмен царь Иван рассчитывал на союз в Ливонской войне. Но королева не собиралась втягиваться в войну на континенте и соглашалась лишь предоставить царю Ивану политическое убежище, если он будет вынужден бежать из России (а Иван IV вроде всерьез об этом подумывал).

Перечислив в послании все прегрешения английской дипломатии, ратующей лишь о торговых привилегиях, царь Иван с негодованием писал:

"И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владееш... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеши в своем девическом чину, как есть пошлая девица".

В некоторое оправдание грубости Ивана Грозного можно сказать лишь, что слово *"пошлый"* в языке того времени означало обыкновенный. Но все же назвать великую королеву Англии обычной девицей было достаточным оскорблением, тем более что Елизавета была озабочена своим девством, болезненно воспринимала намеки на него, и, должно быть, царю Ивану было это известно.

В послании есть еще один момент, уже не стилистический. Царь Иван выступает здесь как феодальный монарх, который глубоко возмущен ролью буржуазии в политике той страны, где уже начали развиваться капиталистические отношения. Грубость царя имеет здесь, таким образом, серьезную идеологическую подоплеку.

Послание Елизавете может показаться верхом куртуазности по сравнению с тем, как царь Иван писал шведскому королю Юхану III. Резкость тона была вызвана щекотливым положением, в которое попала русская дипломатия. Со шведским королем Эриком XIV в 1567 году Россия заключила договор о союзе и разделе Ливонии.

В договоре был один странный пункт; король Эрик обещал прислать в жены царю Ивану жену своего брата герцога Юхана Екатерину. Юхан, боровшийся против Эрика, был заточен в тюрьму, сам же царь Иван потом утверждал, что был уверен в его смерти: Эрик *"оманкою нам хотел дати жену твою"*, царю будто бы сообщили, что Юхана *"в животе нет"*. Правда, Иван IV не объяснял, как он собирался уладить отношения с собственной женой - царица Мария Темрюковна была тогда жива. Екатерина, однако, представлялась царю более завидной партией: она была сестрой польского короля Сигизмунда II Августа. Поскольку у Сигизмунда-Августа не было детей, царь рассчитывал приобрести через этот брак права на польский престол.

Вскоре в "*Стекольную*" (так на Руси называли Стокгольм) прибыло русское посольство во главе с Иваном Михайловичем Воронцовым. Послы должны были ратифицировать союзный договор и увезти с собой принцессу Екатерину. Но произошло непредвиденное: король Эрик психически заболел (как писал со слов шведов Воронцов, он стал "*не сам у себя своею персоною*"), его свергли с престола, а принц Юхан не только освободился из темницы, но и занял королевский трон. Цель посольства была прекрасно известна новому королю, и он дал волю своему гневу: не только отправил царю резкое послание, но и надругался над послами - их ограбили до нитки, оставив в одних рубашках. Царю Ивану пришлось одновременно защищаться от обвинений в намерении похитить чужую жену и нападать.

Говоря о своем, мягко говоря, странном сватовстве, царь Иван не ограничился оправданиями в незнании того, что Юхан жив, а перешел в наступление. Во всем, дескать, виноваты шведы, которые сами не могут разобраться, кто у них король: "*...опрометывается, как бы гад, разными видами*"; к тому же "*много говорить о том не надобеть: жена твоя у тебя, некто ее хватает* (никто ее не хватает. - **В. К.**)". Отрицал Иван и что хотел взять принцессу в жены: он, оказывается, надеялся только выменять на нее Ливонию у ее брата Сигизмунда-Августа.

Был еще один пункт разногласий. Дипломатические сношения со Швецией традиционно осуществлялись через новгородских наместников. Это был след того времени, когда независимый "Господин Великий Новгород" самостоятельно заключал договоры со Швецией. Начиная с отца Эрика и Юхана Густава Вазы шведские короли пытались изменить это положение как унижительное для достоинства страны.

При Эрике XIV Иван IV в надежде заполучить принцессу Екатерину и вывести Швецию из числа противников в Ливонской войне пошел на прямые сношения со шведским королевским двором. Однако после переворота Юхана царь решил вернуться к традиционному протоколу. Юхан же добивался равноправия в отношениях.

Царь отвечал королю, что ему, отпрыску "*мужичьего рода*" (ведь его отец - Густав Ваза - не прирожденный государь, а избранный король), "*нельзя ровняться с великими государями*". Тем более что, как утверждал Иван IV, сноситься через новгородских наместников - достаточно почетно, не меньше, чем с независимым Новгородом:

"Ино тем ли Великий Новгород, отчина наша, честна была, что от нас откладна была, али тем ныне безчестна, что нас познали, своих государей?"

Поражает конец грамоты, в котором грозный царь переходит уже к брани, находящейся на грани с площадной:

"А что писал еси к нам лаю (ругань; лаяти - ругать. - В. К.)... и нам, великим государем, и без лае к тебе писати нечево".

И далее:

"А ты, взяв собачей рот, захошь за посмех лаяти, ино то твое страдничье пригожство: тебе то честь, а нам, великим государем, с тобою и ссылатися безщестно... А с тобою перепайваться, и на сем свете того горее и нет, и будет похощь перепайватися, и ты себе найди такова ж страдника, каков еси сам страдник, да с ним перепайвайся".